

ЯАП РОББЕН

**ПЕРЕВОД
ЕКАТЕРИНЫ ТЕРЕШКО**

**ЛОНГ-ЛИСТ
БУКЕРА
2021**

МИ∞

МИФ Проза

Яап Роббен
Летний брат

«Манн, Иванов и Фербер»

2018

УДК 82-311.2(492)
ББК 84(4Нид)6-443

Роббен Я.

Летний брат / Я. Роббен — «Манн, Иванов и Фербер»,
2018 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195426-2

Роман взросления о 13-летнем подростке, который вынужден заботиться о своем брате с ограниченными возможностями. И о любви, которая может пустить корни в самых неожиданных местах. Брайан почти не знает своего старшего брата Люсьена, ведь тот несколько лет жил в пансионе. Но когда пансион закрывается на ремонт, Брайан с отцом вынуждены забрать Люсьена домой. Проблема в том, что Люсьен – не обычный подросток. Вся ответственность по уходу за братом ложится на Брайана. Но как позаботиться о человеке, если не знаешь, что ему нужно? И как сказать о своих чувствах, не используя ни одного слова? Для кого эта книга Для любителей романов взросления. Для всех, кто ищет книги с важной социальной проблематикой. Для тех, кто любит истории, которые заставляют задуматься. Для читателей, которым интересно больше узнать о сложностях, с которыми сталкиваются подростки. Фишки книги Лонг-лист Букеровской премии-2021. Книга переведена на 10 языков. Лауреат Vondel Translation Prize (UK) 2022 года. Шорт-лист Молодежной литературной премии Нидерландов в 2019 году. Роман будет экранизирован и выйдет в Нидерландах в 2023 году. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.2(492)

ББК 84(4Нид)6-443

ISBN 978-5-00-195426-2

© Роббен Я., 2018

© Манн, Иванов и Фербер, 2018

Содержание

1	8
2	16
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Яап Роббен Летний брат

This book was published with the support of the Dutch Foundation for Literature.

Nederlands
letterenfonds
dutch foundation
for literature

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2018 by Jaap Robben

Original title Zomervacht

First published in 2018 by De Geus, Amsterdam

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

Моему дорогому сыну Мидасу

1

Я думал, что мы просто едем покататься. Ветер дует навстречу, поднимая с земли сено, сухие травинки, которые через открытые окна залетают к нам в пикап. Сейчас сезон сбора урожая, но мы в этом не участвуем. В багажнике гремят ржавые трубы и остов стиральной машины, которую мы вчера подобрали в какой-то канаве на обочине. Па поворачивает и останавливается у заправки.

– Хочешь чего-нибудь? – спрашивает он, заливая в бак бензин. Заправиться нам удастся только по понедельникам, потому что в этот день работает Бенуа. Его начальник больше не продает нам ничего. Он говорит, что такие клиенты, как мы, слишком дорого ему выходят.

Мимо проезжает грохочущий грузовик, заваленный охапками сена, всколыхнув выцветшую растяжку с рекламой кофе, который тут всегда по акции. Пахнет он так, будто там вместо кофе перемолотый рубероид.

– Привет, – обращаюсь я к Бенуа. Пронзительно звенит дверной колокольчик.

– Я больше не должен вас впускать, – отвечает он из своей стеклянной будки, наклонившись к микрофону слишком близко. – Я же в прошлый раз вам уже говорил.

Я показываю в сторону кассы и жестом даю понять, что не расслышал.

– Я говорю, я вас...

Я качаю головой и снова показываю на уши.

Вокруг его кассы стеной выстроились мешки с углем, и поэтому кажется, что он окопался и занял оборонительную позицию, защищаясь от нас. Рядом с углем погибают в ведрах букеты цветов. Я задерживаюсь у холодильника с энергетиками. Бенуа пытается не спускать с меня глаз, смотря в выпуклое зеркальце под потолком. Дверной звончок снова тренькает.

– Бенуа! – радушно приветствует его отец.

– Я только что сказал Брайану, что мне нельзя вам...

– И это тоже посчитай. – Отец берет с полки с товарами по акции громадное шоколадное яйцо. – Подарок для его брата.

– Мы едем к Люсьену?

Отец прижимает ценник к защитному стеклу.

– За полцены, – сообщает он, пытаясь отодрать большую красную наклейку. – Вообще, можно и так оставить. Его брат все равно не разглядит.

– Да-да, – как-то невнятно мямлит Бенуа, вбивая цену со скидкой.

– И перевяжи его вон той большой голубой лентой, его брату понравится.

– К сожалению, продукты по акции мы не упаковываем.

– Красная тоже пойдет.

– Так что не получится.

– Ты еще что-то хочешь? – кричит па мне. Я отрицательно качаю головой. – Сколько с нас?

Бенуа сглотнул, посмотрел на кассовый аппарат и ответил:

– Всего тридцать восемь двадцать пя...

– Вот, возьми, – отец вытаскивает из внутреннего кармана своей кожаной куртки горсть монет и сваливает их все в монетницу. – И вот это тоже. – Из кармана брюк он выуживает банкноту в десять евро, аккуратно разворачивает ее и разглаживает. – Может, все-таки украсишь эту штуку, чтоб было красиво?

– Сначала посчитаю, все ли верно.

– Мы, вообще-то, торопимся.

Бенуа начинает нервно раскладывать монетки.

Еще до того, как мы сели в машину, шоколад уже потек по пластиковым стенкам обертки. Отец шагает впереди меня. За ним развеивается голубая лента.

– Давай, шевели ногами, Брай.

– Мы правда едем к Люсьену?

Бенуа вышел из магазина.

– Тут не хватает семь евро двадцать пять центов.

Отец разворачивается лицом к нему, но продолжает двигаться к машине спиной вперед.

– А ты хорошо посчитал?

– Здесь слишком мало.

– Не преувеличивай, – па строит удивленную рожу. – И мы немного торопимся. Его брат ждет нас.

– Я должен доложить о случившемся.

– Ну-ну, какие слова! Вот так вы обращаетесь с постоянными покупателями? – Отец замедляет шаг. – Завтра донесу остальное.

– Завтра я не работаю.

– Ага, – ухмыляется па, – тогда придется записать это на наш счет.

Мы выезжаем обратно на дорогу. Бенуа стоит у дверей. Отец по-приятельски машет ему рукой и поднимает вверх большой палец. Бенуа отвечает слабым движением руки.

– Почему мы едем к Люсьену?

– Я подумал, что можно и съездить разок.

Мой брат живет в кровати в получасе езды от нашего фургона. В последний раз мы его навещали перед его шестнадцатилетием, а до того, наверное, на рождественских праздниках. Все, что я помню, – он спал. А когда наконец проснулся, то смотрел только на рождественскую гирлянду на окне, танцующую огоньками по батарее. Мы никогда не ездим к нему в само Рождество или день рождения, чтобы не столкнуться с ма. Я надеюсь, что и сейчас мы ее машину там на стоянке не увидим.

Рядом с главным входом нас встречает мальчик с выпученными глазами. Большая часть его лица – это лоб. Темные волосы прядями вылезают через проемы в кожаном шлеме. Он смотрит на нас строго, будто знает, что мы уже давно тут не появлялись. Я каждый раз нервничаю, когда нам нужно заходить сюда. Боюсь, вдруг Люсьен разозлится, что мы долго не приезжали, или с ним что-то случилось, пока нас не было, а мы об этом не знаем. Но в основном потому, что это территория мамы, а не наша.

Здесь все стены на высоту примерно до пояса в царапинах, полосах и вмятинах от инвалидных кресел, колясок и больничных кроватей на колесиках. Вдоль всего коридора припаркованы кресла-каталки, которые снабжены всевозможными приспособлениями. Чуть подальше стоит тележка с прикрепленным к ней мусорным пакетом, подносами с едой и грязными тарелками. На голубом коврике в зале лежит мальчик и стонет в потолок. Его ноги вывернуты под невообразимым углом, как будто они от другого тела и их пришили к его туловищу по ошибке. С раскинутыми в стороны руками он ждет кого-то, кто упадет на него с потолка, чтобы встреть его с распростертыми объятиями.

– Брай! – Па стоит в конце коридора. – Иди, посмотри сюда.

Автоматические двери начинают закрываться, но каждый раз снова открываются, потому что он стоит между створками. За ним статуя Девы Марии жестом призывает замедлиться, хотя здесь все и так очень медлительны.

– Палата Люсьена ведь была здесь?

Весь дверной проем сбоку обтянут матовой пленкой. Когда где-нибудь в здании открывается дверь или окно, пленка с хлопком выгибается внутрь комнаты, а затем, шурша, снова заполняет проем. За ней сверлят. Силуэт человека толкает впереди себя тачку.

– Он, наверное, переехал? Так же нельзя, твоя ма должна была нам сказать.

Целлофан вокруг шоколадного яйца хрустит под его пальцами, которые еще крепче впи-
ваются в него.

– Может, он где-то здесь?

Мы читаем таблички с именами, которые висят рядом с каждой дверью, за одной из них кто-то начинает выть.

– Спросим на стойке регистрации?

– Где же наш Люсьен? – Па водружает шоколадное яйцо на стойку. – Его комнаты больше нет, а нам ничего не сказали.

– Секундочку, – отвечает женщина из-за стойки. – Я сейчас освобожусь.

На бейдже написано, что ее зовут Эсме. Под ее блузкой скрывается такая грудь, что отец не сможет удержаться от сальных шуточек на ее счет. Глаза у него уже заблестели. Эсме ударяет указательным пальцем по кнопке «Ввод», отъезжает на своем кресле назад и поднимает на нас приветливый взгляд.

– Мы пришли навестить Люсьена.

– Люсьена Шевалье?

– Вот его брат.

– О... брат, – произносит Эсме, но не смотрит на меня. – А вы кто в таком случае?

– Па.

– А, ну конечно...

– Он еще здесь?

– Да-да. Люсьена на время перевели в сто шестую. У нас внутренние пертурбации из-за ремонта.

Мы даже не успели спросить, где это, а она уже объясняла нам дорогу.

– Вот по этому коридору прямо, потом второй поворот направо, и там вам нужна третья дверь с правой стороны.

– Отлично, – говорит па, метнувшись взглядом к ее бюсту. Кажется, про себя он уже сочинил шутку: лицо у него растянулось в довольной ухмылке. Он постучал по голове, давая понять, что все запомнил. – До скорого.

В каждом коридоре висит фотоколлаж супергероев комиксов, но на месте лиц приклеены фотографии обитателей этого места.

– Ух ты, господи, – ухмыляется папа. – Вот уж два бурдюка.

– Что?

– Ой, да между этих титек можно пикник устраивать!

– Сто один, – громко оглашаю я. – А вот сто три. Нам надо на другую сторону.

– Ну посмотрим, – пробормотал отец, – если он спит, то мы ненадолго.

Табличка Люсьена украшена голубыми и желтыми каракулями. Вероятно, кто-то из персонала умудрился вложить ему в руку фломастер.

– Да ведь? – Отец уже взялся за щеколду и посмотрел на меня. – Брай?

Я киваю. С той же решительностью, с которой он когда-то выдирал мои молочные зубы, отец распахивает дверь. Жалюзи застучали по открытому окну. С потолка на веревочках свисают сложенные из бумаги птицы. А под ними лежит Люсьен. Жесткие волосы у него на затылке, как всегда, непослушно топорщатся. Тело распластано на одеяле, он весь развернулся в другую сторону и не смотрит на нас. С нашего прошлого визита он еще больше разросся

и приблизился к краям койки. В нем меняются какие-то мелочи. Брови становятся больше, нижняя губа дальше выпячивается вперед, словно кропильница в церкви. Вдоль волос у него прыщи.

– Люсьен? – Брат приоткрывает глаза. В уголке глаза засел желтоватый комочек ото сна. Мама бы сразу вытерла. – Ты Люсьен, – говорю я, чтобы напомнить ему, кто он такой. – Мы снова тут, – я стучу себе в грудь. – Брайан и па.

Я двигаюсь, не отрывая подошв от пола, дальше в сторону, чтобы нам обоим хватило места у кровати. Но па ближе не подходит. Он стоит за мной, облизывает губы, нервно кашляет. Я делаю еще шаг в сторону и жестом показываю ему, чтобы он подошел и встал рядом.

– Мне и здесь хорошо, – говорит он и вкладывает мне в руку шоколадное яйцо. – Это для твоего брата.

Я уже взял у него подарок, но мне хочется, чтобы он вручил его сам.

– Давай ты сам, – шепчу я, пытаюсь отдать яйцо ему обратно.

– Нет-нет, у тебя это лучше получается.

Он прячет руки в карманы куртки. Люсьен косится на нас. Пару секунд я держу яйцо так, чтобы он видел, а затем ставлю на его тумбочку. Люсьен поймет, что такое шоколад, только когда попробует его.

– Уже несколько месяцев прошло.

Я хочу до него дотронуться, только не знаю, где лучше, так что пока держу руки на краю койки. В изголовье у него висит магнитная доска, на которой закручивается по краям фотография Люсьена в инвалидном кресле. Мама сидит рядом на корточках. Ее колени согнуты, живот превратился в два небольших валика, волосы собраны в хвост, а в руках она сжимает сумку, которую, кажется, носит уже целую вечность. Над этой фотографией – новая, на ней ма уже с Дидье. Как и на всех их совместных фотографиях, он ее обнимает, она прижимается щекой к его щеке, чтобы показать нам, как сильно он ее любит. *Дишшии-дьеееее*, па всегда произносит его имя, растягивая гласные, будто ноет.

Их с Дидье снимки она всегда вешает в середину. Из-под них выглядывает половина фотографии, на которой запечатлены все обитатели этого места вместе с Люсьеном. Перед входом в парк аттракционов. Все смотрят в камеру, кроме моего брата. Единственное фото, на котором он улыбается, – это то, где чьи-то руки держат у его щеки морскую свинку.

В правом нижнем углу моя фотография. Магнит перекрывает мне половину лица. Такую же фотографию ма носит в кошельке. Только что выпал передний зуб. Гладко прилизаны гелем волосы. Я помню, что тогда чувствовал себя очень взрослым, так как только что проколол ухо. А сзади у меня болтался этакий крысиный хвостик из волос. Но на фотографии этого не видно.

– Смотри, – обращаюсь я к Люсьену, – таким вот я был.

Я сразу ощущаю знакомую неловкость, когда говорю с ним. В основном потому, что он не отвечает. У взрослых это лучше получается, хоть и кажется, будто они разговаривают с собакой.

Люсьен зевает бумажным птицам, которые плавно покачиваются под потолком с того момента, как мы вошли.

– Давайте сделаем посветлее?

Па тянет за веревочку жалюзи. На всех окнах есть специальный зажим, чтобы они не открывались полностью и никто не вывалился наружу. Теперь видно, что на улице лето, но нигде оно не кажется таким далеким, как у койки Люсьена. Как во всем здании, в общем-то. Запах открытого бассейна здесь можно почувствовать разве что в ароматизаторе средства для мытья пола.

От внезапно яркого света Люсьен зажмуривает глаза, затем открывает их и быстро-быстро моргает. Потом все-таки совсем открывает, будто забыл, почему зажмурился.

За окном на выжженном солнцем поле играют в теннис две девушки. В основном они только подбрасывают мяч. Их ракетки каждый раз слишком поздно бьют по воздуху, всегда мимо. Затем они ищут резиновый теннисный мячик, поднимают его и снова подбрасывают. Они обе усердно сгибают колени и глядят очень сосредоточенно. Одна сжимает двумя руками ручку ракетки, другая отложила свою ракетку в сторону и обеими руками подбрасывает мяч. Удар. Мимо. Поиски в кустах.

– Думаю, что твой брат хочет поспать.

Па берет Люсьена за стопы – единственную часть тела, укрытую одеялом, – отчего он как бы и касается его, но в то же время и не дотрагивается.

– Пойду кофе возьму. – Он зашаркал к двери. – Скоро вернусь.

Он побил собственный рекорд: обычно ему удается продержаться дольше, прежде чем он уйдет.

– Люсьен, – говорю я, – хочешь шоколада?

Лента туго обтянута вокруг яйца, я стягиваю ее для брата. Шуршание целлофана будит его любопытство, голова поднимается из вмятины на подушке.

– Смотри, – говорю я ему и костяшками пальцев разбиваю шоколад на кусочки, – это тебе.

Я держу перед ним обломок яйца.

– Хочешь попробовать?

Люсьен начинает раскачиваться, и я кладу шоколад ему в рот. Его неровные зубы мельче, чем я помню, наверное, потому, что его голова опять стала больше. Он сосет шоколад, жует и чавкает. Одновременно он поднимает руки и медленно начинает двигать пальцами, будто играет на невидимом пианино.

– Ще-ще-ще! – сердито выкрикивает он.

– Еще хочешь?

Я, дразнясь, показываю ему еще кусок. Он очень широко открывает рот, и я боюсь, что в уголках он может порваться. Так что я быстрее кормлю его. Когда он еще жил дома, я понимал, что он имеет в виду своим бормотанием: на столе стояла еда, до которой он не мог дотянуться, или он замечал пылесос, которого боялся.

– Брайан, – показываю я ему как надо, – скажи: Брайан. Тогда дам еще кусочек.

Я забираюсь на широкий подоконник. Пятками слегка бью по батарее.

– Брайан, – повторяю я, – Бра-йан.

Вдруг он начинает метаться из стороны в сторону так сильно, что колесики под ножками его кровати нещадно скрипят. Люсьен вытягивает руку в моем направлении. Его пальцы хватают воздух.

– Ты понял? Ты вспомнил, кто я? – Я показываю на себя на магнитной доске. С мучительной гримасой на лице он пытается выглянуть на улицу, его взгляд скользит мимо меня. – Хочешь посмотреть, как они играют?

Я оборачиваюсь и подпрыгиваю от испуга. К стеклу прижалась щекой девушка.

– Кто это?

Она прикладывает к стеклу другую щеку, оставляя на окне носом жирный отпечаток. Люсьен издает звук, какого я еще ни разу от него не слышал. Он воеет. Волосы девушки завязаны в хвост на затылке, но два черных локона спускаются, словно занавески, вдоль ушей. Она медленно слизывает пыльцу со стекла, оставляя чистые пятнышки. Затем отклоняется назад, держась обеими руками за подоконник, чтобы оценить результаты своих усилий.

– Ты с ней знаком?

Кажется, только в этот момент она заметила меня и улыбнулась. Я не уверен, живет ли она здесь или, как и я, пришла навестить кого-то.

– Это твоя девушка?

Люсьен просто захлебывается в собственном энтузиазме. В белках его глаз набухли красные жилки, он давится воздухом и судорожно выдыхает его обратно.

Девушка машет ему двумя руками. Я похлопал Люсьена по спине, и он притих. Девушка ушла. Люсьен снова закашлялся. Повсюду капли яблочного пюре: на губах, на подбородке и на футболке.

– Тихо-тихо, не подавись.

Я беру его кружку с тумбочки и вставляю узкое горлышко для питья ему в рот. Он отчаянно трясет головой.

– Тише-тише.

Он пытается оттолкнуть кружку, которую я держу перед ним. Я надеюсь, что кто-нибудь, кто может помочь, пройдет по коридору мимо палаты, потому что я боюсь оставить Люсьена одного, пока буду бегать за помощью. К счастью, его дыхание постепенно выравнивается. Налетает еще один приступ кашля.

– Все нормально?

Он пытается что-то сглотнуть. Я подношу кружку с водой к его губам. Он отпивает пару глотков и отворачивается.

– Дай знать, если еще захочешь, – говорю я и ставлю кружку на подоконник так, чтобы ему было видно.

– Это ведь была твоя девушка или типа того? – Я выглядываю проверить, не спряталась ли она под окном, но обнаруживаю там только поросшие мхом плитки и полоску позеленевшего гравия. – Она часто вот так приходит?

Ответа, конечно, не последовало.

У дверей послышалось шарканье, и я подумал, что это па с кофе вернулся. Или кто-то из персонала. Ручка двери опустилась, так что там точно кто-то есть.

– Здравствуйте, – говорю я. В дверь заглянула лизунья окон. – Это ты?

Хихикнув, она снова прячется.

– Ты можешь войти.

Дверь распахнулась, ударившись ручкой об ограничитель на стене.

– Вот она я! – воскликнула она, подняв обе руки вверх. Ее уже нельзя назвать девочкой, но еще нельзя назвать женщиной. Такая «девщина», у которой уже есть грудь. На ней юбка, похожая на абажур, а одна нога завернута внутрь, из-за чего кажется, что левая нога все время норовит подставить подножку правой. У кровати Люсьена она останавливается. Уставившись на меня, она будто пытается проникнуть ко мне в голову через зрачки.

– Брайан, – сказал я, – меня так зовут. А тебя?

– Щелма.

– Привет, Щелма.

– Не-е-е-ет, Щ-щ-щ-щелма.

– Щелма?

– Не дразнить! Щел-ма!

Она вытаскивает свою футболку с Минни-Маус из-под юбки и задирает ее до подбородка. Под футболкой у нее черная майка, с которой она срывает нашивку с именем.

– Гляди, – сердито приказывает она.

Та сторона, на которую приклеивается нашивка, вся в черных катышках. Она прикладывает наклейку обратно к груди и прижимает.

– Должна клеиться.

– Селма, – читаю я вслух.

Она довольно кивает.

– Ты тоже живешь здесь?

Ее лоб собирается в складочки.

– Я почти новенькая.

– Как давно ты тут?

– Длиннее, чем неделю, – неожиданно громко отвечает Селма. В ее исполнении все слова звучат как будто более выпукло, чем когда я сам их произношу.

– Две недели?

– Длиннее!

– Месяц?

– Может быть. – Она запрокидывает голову и смотрит на меня так, будто я должен знать ответ. – Раньше я жила с бабушкой.

Люсьен, насколько мог, развернулся в нашу сторону.

– Его я уже знаю, – говорит она и неловко ковыляет мимо меня к кровати. – Я же тебе нравлюсь, да?

Люсьен воеет.

– Я же тебе нравлюсь, да?

Она берет его лицо в руки и сжимает щеки, так что губы складываются в трубочку. На мгновение я испугался, что она его сейчас поцелует. Ресницы Люсьена трепещут от испуга, когда она проводит большими пальцами под его глазами.

– Ему так не нравится, – говорю я.

– Нравится-нравится.

Теперь Селма гладит его закрытые веки. Мышцы шеи у Люсьена напряглись. Кажется, он хочет вырвать лицо у нее из рук. В то же время его пальцы расслабились и постепенно разгибаются из состояния согнутых веточек, начиная выглядеть как нормальные. Когда Селма вдруг отпускает его лицо, Люсьен падает обратно на подушку.

– Хм-м-м-м, хм-м-м-м, – губы растягиваются в кривой, словно банан, улыбке.

– Это мой брат, – сообщаю я.

Селма оборачивается ко мне и упирается кулаками в бока. В это время Люсьен пытается звуками и жестами снова привлечь ее руки к своему лицу.

– Нет, – строго отвечает Селма. – Мне нужно работать. Одной рукой держась за поручень кровати, а другой за мое плечо, она протискивается мимо.

– Ты придешь еще?

Она прошаркала по комнате и вышла в коридор. Люсьен вытягивается, чтобы посмотреть ей вслед.

– Ушла, – говорю я, – хочешь еще шоколада?

Люсьен опускается назад, его пальцы беспокойно закапываются в простыню.

– Хочешь, сделаю так же, как она?

Я беру его лицо в руки и сжимаю щеки, пока губы не складываются в трубочку. Я чувствую, как двигаются его челюсти. Может, я слишком осторожничаю. Большими пальцами я глажу у него под глазами. Некоторое время я делаю это, и, когда отпускаю, его голова откидывается назад. Но в этот раз он не улыбается.

В коридоре ее уже нет. А па наверняка застрял в курилке.

– Тебя-то я и искал, – сразу выдает он, когда я вхожу. – Как раз собирался идти в вашу сторону.

– Люсьен снова заснул.

– А... тогда сидеть тут смысла нет. – Он наклоняется к аппарату с кофе. – Хочешь?

Я отрицательно качаю головой. За столом в углу сидит пожилой лысый мужчина с окладистой бородой, подстриженной полукругом. Он трет указательным и большим пальцами друг о друга так, словно пытается разжечь огонь. Ногтем указательного пальца другой руки он постукивает по столу. Видимо, он умеет читать, потому что перед ним стоит согнутая пополам картонка, на которой крупными буквами написано: ЖАК, ТЫ МОЖЕШЬ ВЫКУРИТЬ ОДНУ

СИГАРЕТУ В ЧАС. Его походный будильник показывает начало первого. Автомат с кофе плюется и затихает. Па нетерпеливо жмет на синюю кнопку, пока машина снова не начинает жужжать.

– Эти скряги так его настроили, что он никогда не наливает целый стаканчик.

Кофе переливается через край.

– Вот это я называю нормальной чашкой кофе.

Мимо проходит медсестра, я вылетаю в коридор.

– Зубида!

Когда она оборачивается, ее пластиковые тапки скрипят об пол.

– О, Брайан, давно не виделись, – она сдержанно улыбается па.

Зубида – моя любимая медсестра.

– Я думал, вы тут больше не работаете.

– Работаю, работаю. – Она провела рукой по животу. – Я стала мамой, так что...

– Замечательно, – говорит па, – надеюсь, вы понимаете, во что ввязываетесь, – и толкает меня в плечо.

– С этим советом вы уже опоздали...

Проходит пара секунд, прежде чем до па доходит, что Зубида тоже пошутила. Но когда он понял, его смех прокатился по коридору так громко, что все на нас обернулись. Зубида мне подмигнула.

– Мне надо идти, – сказала она. И, как всегда, когда мы видимся, она на секунду дотрагивается до мочки моего уха, как будто это еще можно как-то поправить.

– Выглядит круто, – говорит она. – Пока.

Кажется, я покраснел. Вместе с па я пошел к выходу.

– Ну что, вот и навестили.

Па вскидывает руку в знак прощания, проходя мимо женщины за стойкой регистрации, но она смотрит в монитор.

2

Солнце стоит высоко. Нашим коротконогим теням приходится поторапливаться, чтобы поспеть за нами. В углу парковки вокруг своих автобусов сидят на корточках рабочие. Один из них с kloкочущим звуком вливает в себя бутылку воды практически целиком, а остатки со дна выливает соседу за шиворот. Рядом присел на корточки другой парень. Похлопав руками и подняв целое облако белой пыли, он отломил кусок хлеба от ломтя, лежавшего между ними на полиэтиленовом пакете.

– У вас есть минутка? – Я сначала даже не осознал, что голос обращается к нам. – Господин Шевалье?

За нами идет мужчина, держа в левой руке папку.

– Кто спрашивает?

– В каком смысле?

– Кто вы такой?

Под подбородком у этого мужчины выпирает второй подбородок. А под тем еще один.

– Сантос, – тяжело выдыхает он. И поднимает руку в знак приветствия. – Я новый заведующий.

– Ах вот как, заведующий, значит...

– В регистратуре мне сообщили, что к Люсьену приходил отец, – он говорит это таким тоном, будто речь идет о ком-то третьем.

– Ну, мы вообще приходили, э-э-э...

Па жмет на кнопку на ключах от машины, чтобы разблокировать двери, но она стоит слишком далеко, так что не начинает нетерпеливо мигать фарами, как обычно.

– Я не займу много времени. Речь идет о Люсьене.

– Тогда вам лучше поговорить с его матерью.

– Да-да, мы с вашей женой уже по...

– Бывшей женой.

Па скрещивает руки, так что кожаные рукава скрипят в месте сгиба.

– Извините, конечно, безусловно, с вашей бывшей женой.

– Если вы насчет денег, то вам к ней.

– Нет, я хотел поговорить о другом.

– На этот счет тоже к ней.

Неподалеку стоит контейнер, по которому с треском и грохотом с самого верхнего этажа спускают строительный мусор.

– Из личного дела Люсьена я понял, что вас не лишили родительских прав.

– Послушайте, – начал па, – мы наших мальчиков поделили полюбовно и без скандала.

Он наклонился к Сантосу.

– И это был ее выбор. Ей Люсьен, мне Брайан.

– Речь идет о паре недель летом, – неуверенно произнес Сантос. – Так как ваша бывшая жена на данный момент не располагает возможностью, ввиду ее свадебного путешествия, она сказала нам...

– Свадебного путешествия?

– Моя мама выходит замуж?

– Ну... Да ведь? – Он раскрывает и тут же захлопывает свою папку. – Такую информацию я получил от нее.

– За Дидье? – спрашиваю я. – Они уже поженились?

– Полагаю, что так. – Папку он держит перед собой, словно щит. – Как я понял, они едут на месяц в свадебное путешествие.

– Месяц? – па рассмеялся, часто вздыхая *ох-ох-оооох*, так же, как когда он смотрит смешные любительские видео, где кто-то получает по морде.

– Прошу прощения, я был уверен, что вы оба в курсе.

– То есть пока она прохлаждается где-то на пляже, Люсьен тут должен сам как-нибудь?

Вариться в собственном соку?

– Я бы не называл это так, – сказал Сантос.

– Это его мать вас попросила нам об этом сказать?

– Нет-нет, конечно, нет. Мой вопрос связан с ремонтом. Вы, наверное, тоже заметили, что нам необходимо модернизировать помещение. – Сантос рад, что может сесть на своего конька. – Пространство комплекса сформировано еще во времена, когда на этом месте был монастырь. Сейчас оно больше напоминает больницу, чем пансион. Мы хотели закончить еще в мае, но в таком деле без сюрпризов не обойтись. Это притом, что мы постарались учесть все подводные камни, когда планировали ремонт. Мобильных обитателей нашего комплекса мы смогли пристроить в организации, с которыми сотрудничаем в нашем регионе. Но места там предоставили только на ограниченное время. А у нас все еще не хватает кроватей. Поэтому я хотел спросить, не могли бы вы забрать Люсьена домой на лето?

– Ух ты! – Па поднимает руки. – Мы тут появляемся не часто, и мальчик едва ли знает, кто мы такие. А теперь вот так пролежать у нас целое лето? Мы скромно живем. Две собаки. Брай. Я. И кстати... – Он до конца застегивает молнию на куртке, потом снова опускает бегунок до середины. – Мне надо работать.

– Хорошо, – заведующий улыбается бессмысленной улыбкой. – Мне все ясно.

– И снова за ваши ошибки приходится расплачиваться родителям. – Па крутит на пальце брелок с ключами от машины. – Вот что бывает, когда нанимаешь самого дешевого подрядчика.

– Ну, тут вы не правы, – отражает удар Сантос, – эти люди отлично делают свое дело. И наш подрядчик понимает всю срочность ситуации. Кроме того, тем родителям, кто согласится помочь, мы готовы оказать финансовую поддержку.

Сантос посмотрел на часы.

– Спасибо, что уделите мне минуту. Я попробую найти другое решение, – он простился едва заметным кивком. – Ах да, мама Люсьена пока недоступна, так что мы не сможем сообщить ей, куда мы переведем его. Могу я сообщать о решениях касательно вашего сына вам?

– Что?

– Могу ли я сообщить вам, куда мы переведем Люсьена?

– Да-да-да, – говорит па, – конечно, конечно. Пожалуйста.

Сантос вынимает из нагрудного кармана рубашки ручку и что-то быстро пишет на желтом стикере.

– А в чем она выражается?

– Что?

– В чем выражается эта финансовая поддержка? Ваших подрядчиков?

Сантос открывает ежедневник и клеит стикер на форзац.

– Дело в том, что многие родители вынуждены взять отпуск или отгул на работе, чтобы ухаживать за ребенком дома. Часто это связано с непредусмотренными дополнительными расходами. Поэтому подрядчик предлагает покрыть эти непредвиденные траты.

Когда Сантос уже почти развернулся, чтобы пойти обратно ко входу в здание, па вдруг спрашивает:

– И какую выплату они предлагают?

– Мы называем это именно возмещением расходов, компенсацией.

– Так сколько?

– На этот вопрос я вам прямо сейчас не отвечу. Зависит от сроков.

- Ну хоть примерно.
- Чуть больше двухсот тридцати восьми евро.
- За?..
- Что?
- За месяц?
- Нет, в неделю. – Сантос указывает на вход. – К сожалению, мне действительно пора идти.
- Но ведь самое важное, чтобы моего мальчика перевели в хорошее место, ведь так?
- Это всегда самое главное, – сказал Сантос, – и мы над этим работаем.
- Па уперся кулаками в бока, затем снова скрестил руки на груди.
- Ну а если бы мы все-таки смогли забрать его на время?
- Это очень мило с вашей стороны. Но в случае с Люсьеном есть несколько запасных вариантов, куда я могу обратиться.
- Месяц, думаю, мы сможем осилить.
- Кажется, что от этого разговора у Сантоса немного закружилась голова.
- Вы же только что сказали, что у вас мало места? И что вы должны работать. И что Люсьен больше общается с матерью.
- Это из-за нее я так редко приезжал. Люсьен же не должен теперь за это расплачиваться?
- Это верно, ребенок не должен страдать из-за конфликта родителей.
- Я же его папа, разве нет? И мальчикам вместе будет хорошо. – Па вдруг притянул меня за шею к себе и потрепал костяшками пальцев по макушке. – Этот парень свободен все лето. Чего уж лучше для Люсьена? – Я вырвался из его цепкой хватки.
- Послушайте, давайте я буду с вами откровенен, – уверенно начинает Сантос, но затем колеблется, – эта финансовая поддержка... она ни в коем случае не должна быть мотивацией забрать Люсьена домой. И э-э-э... – Но тут он замолчал и не сказал больше ничего.
- Люсьен – мой сын! И Брай сейчас на каникулах. Так что он всегда будет под присмотром.
- А ваша работа? Ваш сын нуждается в постоянном уходе. А те условия, которые вы описали?
- Вы прямо набросились на меня... Для родного сына у меня всегда найдется кровать. Иначе и самому можно на улице поспать. Ведь это так здорово, что мальчики смогут пообщаться подольше.
- Казалось, что и Сантос, и па – оба ждали, что ответит другой.
- Ну что, договорились?
- Сантос игнорирует протянутую ему руку, копясь в бумагах.
- Мне нужно обсудить это с коллегами. И пройти некоторые формальные процедуры.
- Розовые пальцы заведующего вытащили из папки бумагу, Сантос просмотрел документ и перевернул.
- У нас в системе есть ваш актуальный номер телефона?
- Па проверяет номер на бумаге, пока Сантос называет цифры.
- Последняя семерка или единица? – обращается он ко мне.
- Ты же говорил, семь?
- Тут должна быть семерка. – Па берет у Сантоса из рук ручку и рисует большую семерку сверху. – Спросить Шевалье.
- Хорошо. – Теперь Сантос коротко пожал па руку. – Будем на связи.

Владея собой, папа проезжает по территории и включает поворотник, когда мы съезжаем на главную дорогу. Чуть дальше он даже кого-то пропускает. Пока нас никто не может услышать, он тихо говорит мне:

– Всего пару недель. Вам же здорово будет? И это наверняка не так сложно. Твой брат ведь только и делает, что лежит в постели. Покормить яблочным пюре с ложечки раз в пару часов, может чаще, если он захочет. Попоить из бутылочки. Все по расписанию. Помыть в душе, когда подгузник наполнится. Он наверняка какает по часам, так что мы посадим его на горшок, и останется только дожидаться, пока все выйдет. Он же никуда не торопится. Поставлю ему рядом с кроватью телевизор, пусть параллельно смотрит. И оп-ля, снова вечер. Глазки протереть, зубки почистить и на боковую. Просто же?

– Мхм-м-м-м...

На асфальте лежит блинчик из кролика. Когда мы подъезжаем, от сплющенного тельца во все стороны разлетаются птицы. Вороны не отрываются от трапезы дольше всех и первыми возвращаются на дорогу. Обычно па останавливается, если кто-то сбил кролика, но он не сильно поврежден. Тогда я должен выйти посмотреть, не слишком ли много у него в глазах насекомых. Если нет, я беру его за уши или задние лапы и бросаю в кузов: дома мы заморозим его для наших собак.

Примерно каждые пару километров мы обгоняем какой-нибудь чадающий трактор или маленький грузовичок без номерных знаков. Они все едут в ангары Синт-Арнака. А иногда в следующую деревеньку. Башни из тюков сена на качающихся прицепах опрокидываются на поворотах. Па дважды жмет на клаксон прежде, чем мы догоняем машину. За рулем грузовика сидит парень моего возраста, боясь посмотреть в нашу сторону, пока мы проезжаем мимо.

– Покажем кое-что твоей ма.

– Что?

– Как мы отлично справляемся втроем. Что я хороший отец. – Свободной рукой он проводит по пустующему креслу трехместного переднего сиденья нашего пикапа.

– А ты знал, что ма собирается выйти за Дидье?

– Если бы знал, то и тебе уже давно рассказал бы.

Моя мать вышла замуж, а я даже ничего не знал. Может, я в тот момент сидел на какой-то заправке в машине, ждал и пытался поймать какую-нибудь волну по радио. А может, она произнесла «да», пока я ехал на велосипеде домой из школы. Или прыгал в ручей. Или читал комиксы.

Я кручу ручку с моей стороны двери, открывая окно, от чего раздается скрип резины.

– Да ведь? – спрашивает па, перекрикивая врывающийся в машину ветер.

– Да! – кричу я в ответ, хоть и не услышал, о чем он спрашивал.

Костяшки его пальцев врезаются мне в левое плечо.

– Брай?

Еще удар. Он так же колошматит по автоматам с газировкой, пока оттуда не вывалится бесплатная банка, и он продолжит меня колотить, пока не выбьет ответ из меня.

– Правда же?

Еще удар.

– А то! – кричу я.

– А то, – повторяет за мной па. Он несколько раз кивнул и еще что-то сказал, но что – я уже не могу разобрать, потому что высунул голову в окно.

3

Правый ботинок у меня просит каши, оторванная подошва каждый раз зачерпывает горсть песка. Па высадил меня из машины, чтобы я пешком дошел домой и пожарил яйца. Сам он поехал купить картошки фри. В кустах я замечаю какое-то копошение и останавливаюсь. Это серый воробей пытается прорваться сквозь листву. Под кустами лежит мусор, из которого торчат осколки плитки для ванной и куча упаковок с рекламными листовками. На колючих ветках болтаются синие лоскуты мусорного мешка, содержимое которого разлетелось. Мне осталось только пересечь небольшой ручей и подняться между кустами терновника. Оттуда я уже чувствую запах бака для сбора стеклотары. Он стоит на повороте с главной дороги на грунтовку, ведущую к нам.

Перед ржавыми воротами стоит какая-то незнакомая машина. Мужчина за рулем посмотрел на меня, отвернулся и уставился себе на колени. Когда я прохожу мимо, он открывает дверь автомобиля и выходит.

– Извини, – обращается он ко мне, – я ищу Мориса.

– Он уехал.

Белая рубашка в голубую клетку, брюки поддерживает плетеный кожаный пояс. Острый нос, редкие темные волосы с проседью. Такие люди редко сюда заходят.

– Но он ведь тут живет?

– Возможно.

– В каком смысле?

– Зависит от того, зачем он вам.

– Кажется, здесь можно что-то арендовать, – он показывает объявление, которое мы повесили на доске в супермаркете.

– Вы не должны были срывать его.

– О, прости, – он посмотрел на бумажку так, будто только сейчас заметил, что держит ее в руке. – Мне нужно было что-то, на чем можно писать. Я повешу его обратно.

– Но если вы арендуете трейлер, то можете не вешать.

– Если только на какое-то время.

– На какое-то время... – повторяю я вслед за ним. Пауза важнее слов, которые ты произносишь. Это па меня научил. На пассажирском сиденье я замечаю две коробки для переезда. Из-под сидений выглядывает черный экран телевизора. Дяденька в беде. Наверняка может заплатить по полной стоимости.

– На какое время?

– Зависит от того, что здесь есть.

Я пожал плечами и притворно зевнул, чтобы потянуть паузу.

– Думаю, на пару дней... – он бросает на меня косой взгляд. – Думаю, этого будет достаточно.

– На пару дней?

– Но лучше подольше. На пару недель, если возможно. Все это очень неожиданно.

– На пару недель, если возможно...

Я поднимаю вверх брови. Па говорит, повторять – это важно. Тогда кажется, что ты отвечаешь, и твой собеседник думает, что снова его очередь говорить. «В школе тебя ничему не научат. Слушай меня, тогда узнаешь, как с людьми договариваться. А это самое важное. Когда у тебя мало денег, надо чтобы вещи стоили подешевле. Тогда ты сможешь удержаться на плаву, если я вдруг коньки отброшу». Па часто задает вопросы только для того, чтобы самому на них ответить. «Всегда помни: ты бы приехал сюда жить ради вида из окна? Нет, конечно. Те, кто сюда приезжают, не могут позволить себе ничего лучше». Все это я уже знаю наизусть.

«У этих людей проблемы, у них нет дома, они не хотят ехать в отель...» У па есть стратегия, как обходиться со съемщиками: делать длинные паузы, думать долго, давая понять, что все не так просто. Озираться по сторонам, тянуть время. «Терпение, только терпение, – повторяет он каждый раз, будто это единственное, чего мне не хватает. – Чем быстрее ты разговариваешь, тем меньше получишь».

Мы прошли несколько метров.

– Может, на месяц.

– На целый месяц?

Я окидываю взглядом окрестности: сараи, трейлеры, транспортные контейнеры и ангары Черного Генри и Жана. Стены с железными заклепками практически целиком скрылись за дровницами, прикрытыми гофрированными листами железа, на которые сверху взгромоздились булыжники, призванные не дать ветру разворотить всю конструкцию. Когда мы только переехали сюда, Жан периодически ездил тоже на каком-то куске железа, но вот уже вторую зиму его скутер «Пьяджо» стоит на сдутых шинах в зарослях крапивы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.